Н. Н. Суворов

Воображаемая новизна и ее утверждение в культуре

Исследование новизны как феномена культуры предполагает постановку и решение проблемы в предельном толковании, как непредвзятое описание ее появлений на очерченной территории, сведение к заранее установленным принципам, поясняющим новизну как определенность и устойчивость. Это означает понимание феноменальной предельности – новизна уходит в бесконечность и мерцает в просторе бытия, является любознательному разуму в форме оригинальных открытий и воображаемых миров. Новизна обнаруживается как открывающаяся потенция бытия с появившимися возможностями – разворотом событий, которые являются ее непосредственным осуществлением. Постановка проблемы новизны сразу сталкивается с изначальным противоречием и трудностью разрешения. Воображаемая новизна компенсирует недоступность материального аналога – заполняет пустоты бытия и присутствия своими творениями. Воображаемая новизна несет желанные иллюзии, вдохновляющие энтузиаста, но под покровом мечтаний прорастает реальная новизна бытия. В работе предлагаются сопряженные понятия: воображающее, воображенное, квазиобъективное для расширения интеллектуального ландшафта поля культуры. В аспекте новизны воображаемое предстает как опережающее развитие присутствия, его отрыв от бытия и самодеятельная бифуркация, стремление к новому материальному воплощению – продуцированию прибавленного бытия.

Ключевые слова: новизна, воображаемое, воображенное, культура, квази-объект, мышление, субъективность, ценность, смысл, бытие, присутствие

Nikolay N. Suvorov

Imaginary novelty and its affirmation in culture

The study of novelty as a cultural phenomenon presupposes the formulation and solution of the problem in the ultimate interpretation, as an unbiased description of its appearance on a defined territory, reducing it to preestablished principles that explain novelty as certainty and stability. This means understanding the phenomenal limit-the novelty goes to infinity and shimmers in the vastness of being, appears to the inquisitive mind in the form of original discoveries and imaginary worlds. Novelty is revealed as the opening potency of being with the possibilities that have appeared – the reversal of events that are its direct implementation. The formulation of the novelty problem immediately confronts the initial contradiction and the difficulty of solving it. Imaginary novelty compensates for the unavailability of a material analog-it fills the voids of being and presence with its creations. Imaginary novelty carries the desired illusions that inspire the enthusiast, but under the cover of dreams, the real novelty of being grows. The paper suggests the related concepts: imaginative, imaginary, quasi-objective for the expansion of the intellectual landscape of the field of culture. In the aspect of novelty, the imaginary appears as an outstripping development of the presence, its separation from being and self-active bifurcation, the desire for a new material embodiment – the production of added being.

Keywords: novelty, imaginary, imaginary, culture, quasi-object, thinking, subjectivity, value, meaning, being, presence

DOI 10.30725/2619-0303-2021-1-133-138

Новизна воображаемых миров выступает идеальным образцом и возможной целью дальнейшего движения бытия. Воображающий субъект расширяет пространство присутствия, добавляет в него новые небывалые структуры, способные к материализации. Мышление и логические операции завоевали в логоцентрической традиции, идущей от Аристотеля, главные и универсальные позиции в сфере интеллектуальной деятельности. В отличие от мыслительной среды, в которой создаются отвлеченные схемы и понятия, воображаемое проникнуто образной конкретностью, приближенностью к непосред-

ственному проживанию – в нем открывается новизна, как присутствия, так и бытия. Субъективное пространство воображаемого наполнено чувственной памятью: ощущением вещей, памятью существования, следами произошедших событий, помеченными знаками и оценками – оно напоминает строительную площадку не только скоплением полезных материалов для создания образных конструкций, но и потенциальными действиями, помеченными «стрелками и флажками». Пространство воображаемого – это взаимодействие присутствия и бытия и их потенциальное единение в зоне присутствия.

• 133

Способность воображать имеет свойство оказываться «между» или «поблизости» – находить зазоры и лакуны в пространстве образов и смыслов, устремляться в них. В окружающем пространстве и текущем времени, в промежутке «между» и «около» скрывается и обнаруживается воображающим субъектом искомая или неожиданная новизна. В вербальной практике сложилось употребление пространственных и временных промежутков, имеющих вещественное или смысловое значение: между глаз, между ног, между рук, между двух стульев, между нами, между делом. В практике высказываний закрепилось внимание к поиску скрытых лакун среди вещей и действий, оставляя размытые смыслы по умолчанию: где-то здесь, неизвестно что, ни то ни се. Остается устойчивое подозрение: чтото происходит «между», здесь затаились спрятанные смыслы, потаенные ценности, скрытые интриги, до времени недоступные субъективные интенции, что-то чудесное. Здесь, возможно, скрывается неизвестная новизна, пока неявленная и оставленная до счастливого случая открытия. Состояние «между» раскрывается как смыслы новых отношений в культурных традициях, помеченных как маргиналии, но оказавшихся актуальной проблематикой.

Представляется, что мышлению труднее оказаться в зазоре смыслов - в ситуации неопределенности, осмыслить это состояние «между», поскольку мыслительный процесс движется по опорным точкам понятий, «перешагивая» неизвестные пустоты. Отсутствие понятийной опоры ввергает в панику незнания. Мышление теряется в пустоте, но именно в этих пустотах, возможно, скрываются искомые смыслы. Чтобы оказаться «между мыслей» в процессе размышления, нужно «соскочить» с принятых понятий и оказаться в свободном полете произвольного размышления, что требует смелости и отчаяния. Если мышление движется на «ходулях» принятых понятий и делает длинные шаги от одного смысла к другому, то воображаемое «плывет» в образах, не пропуская препятствий, малейших складок поверхности и стремнин движения проблемной ситуации, «ныряет» в неизвестные глубины. Воображаемое, в отличие от мышления, порой застывающего перед запретными темами, «заплывает» всюду в силу присущего ему цинизма. Дерзость и сила созданий воображаемого во многом основана на циническом «переворачивании» как способе интеллектуальной провокации и оппозиции: «каждая ученость – это игра интеллекта со своей жизнью» [1, с. 438]. Медитативное «препарирование» проблемы – вскрытие и сшивание – возможно в образной среде, где есть вещественные аналоги. Преимущества воображаемого – в его гибкости, в способности к риску в процессах поиска новизны, умение манипулировать образом, представлять и преображать любую вещь, даже саму способность воображения.

Что фиксируется воображающим субъектом, проникшим в положение «между»: рассыпанные осколки, которые нужно склеить; разбросанные конструкции, которые требуется объединить; нечто безымянное, которое следует назвать; иное неизвестное, вдруг возникшее, которое требует своего исследования? Если понятийное мышление останавливается на границе понятий, затрудняясь в преодолении возникших препятствий, то воображение свободно «перекидывает мостик» между конструкциями интеллекта, создает воображаемое «между» в неопределенной среде, наполняет образами, включает остановленную абстракцию понятия в новую мысленную среду. Воображаемое «рассматривает» понятие как сферу, содержащую образные смыслы и «оживляет» сухую понятийную схему, создает возможность умозрительного движения. Понятие движется и развивается на основе воображаемого и в его обновленной природе, как созданном «организме», появляется потенция движения.

Культурное пространство проникнуто воображаемым, направляющим свои интенции к активному изменению. Именно воображаемое становится общим целеполаганием в движении культуры, которое намечает потенциальные пути дальнейшего движения, завораживая насыщенной конкретикой и предметностью. Постепенно культурное пространство наполняется опредмеченными новинками воображаемого, которые фиксируются в артефактах и в свою очередь порождают новые поколения воображаемого и, соответственно, новые артефакты. Их многообразие и активность не означают, что любое воображенное содержит ценную новизну и продуктивность, хотя нужно отметить, что воображаемое в субъективном опыте, даже если оно превращается в интеллектуальное событие, запоминается и формируется в опыте самого воображаемого.

Подобно природе события, воображенное может иметь продолжение в индивидуальной судьбе, как опыт и память ярких прозрений, изменивших течение жизни, но также способно потухнуть и остаться смутным следом неясного воспоминания. Воображенное соединяет в себе желанное и возможное, окрашенное стремлением получить и овладеть, способное материализоваться в созданном произведении или осуществиться в случайности счастливой встречи. Стремление к свободе и спонтанной

Воображаемая новизна и ее утверждение в культуре

активности способно привести воображаемое к тупикам, в которых его продукты доставляют временное удовольствие ментальному созерцанию, счастливому свидетелю интимного творчества («Блажен, кто молча был поэт», А. С. Пушкин), но обречены на практическое бесплодие. Воображенное склонно превратиться в навязчивую идею, породить страхи и маниакальные влечения. Здесь создается воображаемый фон экзистенции, пронизанный индивидуальными, скрытыми от всех эмоциями и мыслями, сокровенными мечтами. Мечтания наполняют ментальное пространство, создают устойчивое воображаемое, способное стать началом практических проектов, но также может остаться пассивной компенсацией нереализованных стремлений. Свободные мечты, подобно бабочкам, расцвечивают пейзаж жизни своим фривольным порханием, наполняют его легким разнообразием. В мечтах осуществляется оценка воображенного, его сборка и отсев ненужного интеллектуального материала. Мечты привязаны к субъективным ценностям и потому стремятся к их осуществлению, ищут путь к материализации, становятся основой воображаемого. Мечта способна превратиться в навязчивую идею, и тогда ее первоначальная легкость грубеет, наливается маниакальной тяжестью и постепенно порабощает экзистенцию. Разнообразие мечтаний и контроль разума над ними создают самодостаточное воображаемое пространство индивидуального сознания.

Свободная игра воображаемого необходима для расширения интеллектуального пейзажа, для тренировки способности представлять и воображать. Подобно тому, как физические нагрузки тренируют тело, развитие продуктивных возможностей воображения также нуждается в специальных упражнениях – в практиках медитаций [2]. Автономность воображаемого, его психическая самостоятельность создают условия независимости от внешних воздействий и даже внутренних порывов. Наоборот, воображаемое организует психическую активность, направляет эмоциональные состояния на решение собственных задач, стимулирует работу мысли, создает установку для практической деятельности. Способности воображающего субъекта сконцентрированы на воображенном, открывающем новизну ощущений и мыслей. Воображающему значительно проще определить цель своей деятельности, чем мыслящему, организовать свои способности и направить их на разрешение воображаемой проблемы.

Предмет воображаемого, на который направлена активность воображающего, превращается в потенциальный объект и начинает существовать независимо от субъекта. В культурном пространстве возникают квази-объекты – новые образования виртуального, к ним вновь и вновь обращается воображающее сознание, вращаясь вокруг них как центров образотворчества, а затем рассеивая в поле культуры. Квази-объекты становятся целями ментальных манипуляций, затягивают, благодаря центростремительным силам в свое силовое поле, завораживают закрепленными в них ценностями, а под воздействием центробежных сил выталкивают новые смыслы в культурное пространство. Квази-объекты подобно солнечной системе обладают своеобразной ментальной гравитацией, из которой трудно вырваться.

Объективность квази-объектов условна и исторически ограничена – аура объективности, утрачивая актуальность, растворяется во времени, но именно возникшая воображаемая новизна и значение культурных, художественных и религиозных ценностей заставляют рассматривать их как потенциально объективные – они формируют онтологию культуры. Квази-объекты наполняют виртуальную реальность, расширяя сферы бытия и присутствия, становятся точками притяжения и творения новых ценностей и смыслов, участвуют в процессах приращения смыслов и материальных ценностей. Так недавно возникшая «криптовалюта» лишена материального носителя, но ее стоимость растет или уменьшается, а виртуальное обращение способно приносить реальный капитал.

Общественные дискуссии и социальная активность вокруг оценки памятников историческим деятелям, являются примером обращения квази-объектов, их существованием в культуре, раскрытием их природы и несводимостью к материальным или только художественным качествам. Они осуществляют влияние и утверждают квази-бытие изменчивыми воображаемыми смыслами. Наряду с принятым понятием квази-субъект (Адорно, Беньямин, Каган), каковым нарекаются многие художественные образы, следует использовать понятие: «квазиобъект». Квази-субъект – это художественный образ, который благодаря своей законченности получает самостоятельное существование и проявляет неожиданные поступки, порой вопреки первоначальному замыслу автора. Этот образ превращается в реального собеседника, автора воображаемой деятельности, даже вступает в диалог с автором [3]. Наряду с понятием: квази-субъект следует использовать понятие: квази-объект, обозначающий воображаемую реальность, становящуюся независимой от воображающего – наполненную среду обращения квази-субъектов. В воображаемом пространстве культуры квази-субъекты и квази-объекты находят друг друга и пребывают в состоянии вза-имной дополнительности.

Новизна фэнтези создается в представлении свободных миражей, самостоятельно развивающихся без определенной цели. Точнее, такое воображаемое способно разрешаться в собственной активности, в создании фантомов без стремления к опредмечиванию. Целью выступает свободное осуществление экзистенциального состояния – игра воображаемого – детское разбрасывание камешков. Игра воображаемого собирает энергию воображающего и намечает возможные творческие интенции, которые осуществятся позже.

Новизна воображаемого отличается высокой степенью неопределенности, поэтому в исследовании феномена следует выделить особенности, появляющиеся в различных нюансах. Так, поиски, находки и осуществление новизны могут быть рассмотрены как сдвиг к субъекту – воображающему. Данное уточнение необходимо для детализации общего процесса воображаемого, исследование особенностей новизны непосредственно в поле субъекта. Воображающий, находится на острие процесса воображаемого, «продвигая» его спонтанной активностью. И тогда продукты воображаемого остаются исключительно в зоне присутствия. Воображающий субъект интеллектуально находится в сфере идеального, отрывается от своего предметного окружения и переносится в воображаемые пространство и время, наполненные воображенной предметностью. Воображающий – это субъективная «фабрика» по производству воображаемого, источник создания воображенной новизны, становящейся аргументом и активатор деятельности.

Временная независимость от реальности помещает воображающего в состояние «между» - отрыву от реального действия, но это состояние переживается как действительное событие. Парадоксальность воображающего в предельном понимании его позиции заключается в том, что он перестает нуждаться в реальности, погружаясь в виртуальное пространство созданного им воображаемого. Его экзистенция растворяется в виртуальном пространстве. Воображающий свободно «тиражирует» собственную экзистенцию, помещая ее в состояние «как если бы», в процессы произвольного движения воображаемого, изменяя стратегию поиска и переживания. Субъективная свобода воображающего – плавание в состоянии «между» и потенциальная бесконечность воображаемого создают условия концентрации внимания исследования на продуктивности воображенной новизны. Для большей продуктивности следует по возможности избегать состояний мечтательного гедонизма и стремиться к практическим целям.

Типы воображающего субъективного располагаются в зависимости от особенностей воображаемого предмета. Предметные смыслы формируют направленные на них интенции. Так, можно выделить:

1. Субъект, воображающий вещи, специфика которого заключена в сосредоточенности на предметах повседневной жизни, телах и артефактах. Его воображаемое наполнено конкретикой данных органов чувств, реальных образов мира вещей, существующих в повседневной жизни и культуре. Конкретика образов создает удвоение реальности и склонность к описательности. Характерные черты этого типа проявляются в замечании и памяти подробностей, детализации предметов и событий. Д. Свифт приводит свидетельство двух следователей-лилипутов, обследовавших карманы связанного Гулливера и составивших подробный перечень с описанием неизвестных экзотических предметов: «В левом жилетном кармане оказался инструмент, к спинке которого прикреплены двадцать длинных жердей, напоминающих частокол перед двором Вашего Величества; по нашему предположению, этим инструментом Человек Гора расчесывает свои волосы... В меньшем кармане с правой стороны оказалось несколько плоских дисков из белого и красного металла, различной величины; некоторые белые диски, по-видимому серебряные, так велики и тяжелы, что мы вдвоем едва могли поднять их» [4, с. 172]. Новизна предметного воображаемого наполнена тактильностью и выступает практической связкой присутствия и бытия. Здесь присутствие занимается самосозерцанием и освоением собственного материального многообразия.

2. Субъект, воображающий вещи-символы. Простота и очевидность вещей, окружающих повседневное существование, при определенных условиях превращается в многозначные символы, собирающие и изменяющие привычные смыслы воображающего. Обыкновенный предмет соединяет разнородные смыслы, расширяет пространство своего пребывания и использования. Отрыв от однообразной повседневности превращает интеллектуальный акт с участием вещей в символотворчество и художественное обобщение. Так, образ шинели в повести Н. В. Гоголя выступает вначале как первый тип, собирая в себе скромную повседневность обыкновенной одежды: Акакий Акакиевич «в продолжении каждого месяца..., наведывался к Петровичу, чтобы поговорить о шинели, где

Воображаемая новизна и ее утверждение в культуре

лучше купить сукна, и какого цвета, и в какую цену, и хотя несколько озабоченный, но довольный возвращался домой, помышляя, что, наконец, придет время, когда все это купится и когда шинель будет сделана» [5, с. 523]. По ходу повествования, уже после ограбления бедного Башмачкина и его грустной кончины, обычная шинель, хотя совершенно новая и отлично сшитая Петровичем, превращается в вещь-символ, окрашенная даже мистикой: «По Петербургу пронеслись вдруг слухи, что у Калинкина моста и далеко подальше стал показываться по ночам мертвец в виде чиновника, ищущего какой-то утащенной шинели, и под видом стащенной шинели сдирающего со всех плеч, не разбирая чина и звания, всякие шинели: на кошках, на бобрах, енотовые, лисьи... Один из департаментских чиновников видел своими глазами мертвеца и узнал в нем тотчас Акакия Акакиевича...» [5, с. 536]. Воображаемое превращается в полифоническую конструкцию, в расширение символического поля образа с помощью перекрестного заимствования смыслов.

3. Воображающий идеи. В начале XX в. появляется потребность художников представлять состояния и события, предметно невыразимые. Такой художественный опыт уже существовал в искусстве, закрепленный в орнаментах и арабесках, но целенаправленное использование невещественных образов начинается в начале XX в. В 1903 г. К. Чюрленис изображает музыкальные композиции, Ф. Пикабиа рисует отвлеченные акварели, и В. Кандинский в 1910 г. создает свою первую абстрактную акварель. Чуть позже пишут абстрактные картины У. Боччони, Р. Делоне, М. Ларионов, К. Малевич, П. Мондриан. Первое теоретическое осознание абстракции сделал В. Кандинский (1911), тем самым переведя отдельные опыты в автономный метод живописи. Апеллируя к музыке как неизобразительному искусству, Кандинский увидел в живописи новые возможности, способные «пробудить более тонкие чувства, которым сейчас нет названия..., спрятанные в формах природы душевные состояния» [6, с. 8]. Красками, формой, принципом внутренней необходимости, при помощи центробежных и центростремительных движений возникает художественная практика, которая, по словам художника, не может быть заменена произнесенным и осмысленным словом, но способна проявиться только в «духовной атмосфере» произведения, не нуждающемся в ином описании. Следует прислушаться к «прямому абстрактному воздействию творения». Абстракция и беспредметность открываются в произведении как отражение размышлений художника, отвлеченных от природных форм. Абстракция

в искусстве естественна, поскольку не скована внешним принуждением природы – «диктатурой вещей» и является выражением свободы и ответственности художника в создании «духовной атмосферы».

В сферах воображенного субъективное сознание находится просвет бытия и устремляется для его усвоения. Бытие попадает в фокус присутствия, прибавляя новые качества. Модусы воображаемого способны сопоставить присутствие и бытие, поскольку причастны к первому и второму – имеют меру субъективного по своей природе и меру объективного по необходимой содержательности.

Сосредоточенность на внутреннем зрении дополняется и корректируется внешними данными, способными превратиться в диалогические процессы. В сокровенной визуальности воображающего разворачиваются ландшафты, состоящие из памяти зрительных образов, их деформации, создания новых конструкций и образов, возможное порождение новых смыслов. Зыбкость воображаемого, его условная законченность/незаконченность в итоге определяются последующим результатом - воплощением в конечный образ. Новый образ, как и новое слово, независимо продуцирует смыслы, становится источником смыслообразования – создания новых смыслов. Связи воображающего и воображаемого изменчивы и подвижны, но мотивированы общим содержанием и целью. Воображающий относится к воображаемому как творец к своему произведению, создавая, вынашивая и воплощая найденный результат в образной форме, но впоследствии утрачивает контроль над воображенным персонажем. Воображенное превращается в независимый квази-объект, способный творить новые смыслы, самостоятельно существовать в культурном пространстве. Подобно тому, как автор с удивлением обнаруживает независимость и произвол «поведения» созданного художественного образа, так и воображающий утрачивает контроль над воображаемым – виртуальным продуктом.

Воображенное выступает преддверием и потенцией бытия, становится «мостиком», переходной областью между присутствием и бытием. Воображаемое как процесс переходит в воображенное, равно как и бытие – объективная реальность и опредмеченный продукт – становится содержанием присутствия.

Состояние воображающего подвижно и зависит от импульса, исходящего от воображаемого, от развития способности воображения и предмета, на который направлена данная способность, наконец, на законченность вооб-

Н. Н. Суворов

раженного. Воображающий как субъект оказывается в зависимости от содержания воображенного как квази-объекта. А воображенное, в свою очередь, имеет тенденцию вовлекать в свое содержание и подчинять иных воображающих. Так в одном случае воображающий находится под властью свободных желаний, направляющих произвольно длящееся его воображаемое. В состоянии мечтательности созревают и осознаются цели, вносятся коррективы, превращающие первоначальный неосознанный импульс в сильное интеллектуальное стремление. Целеполагание организует воображающего субъекта, идущего к решению внешней задачи. Состояние воображающего характеризуется как спонтанная деятельность, подчиненная произвольным приемам, или регулируется алгоритмами воображения, привычными схемами, закрепленными в индивидуальной интеллектуальной деятельности. Воображающий оказывается в двойственной ситуации: с одной стороны, как актор действия он контролирует процесс и направляет его, с другой – он становится созерцателем спонтанного воображаемого и увлекается возникающими образами. Очевидно, что цели выстраивают воображаемое и придают ему оригинальную структуру. Возникающее содержание способно изменить первоначальные цели, направить интеллектуальную работу в новом направлении.

Воображающий находится в широком диапазоне между мечтой и целесообразной интеллектуальной деятельностью. Новизна появляется в диапазоне от непосредственной данности (неожиданной находки) до целесообразного конструирования. Новизна здесь видится в различных формах: как потенциальная новизна, существующая в воображаемой форме – остающаяся в мечтах или созидаемая в умственной работе; как новизна воображаемого, соединяющего в себе процесс движения к окончательному воплощению; как новизна воображенного готового интеллектуального продукта, нуждающегося в материализации; как новизна освоенного квази-объекта, дополнившего или изменившего субъективное воображаемое. Нюансы воображаемого создают фон, на котором проявляются изменения интеллектуальной способности, появляются различные ее формы и различные стадии движения, как присутствия по направлению к бытию, так и бытия к присутствию.

Список литературы

- 1. Слотердайк П. Критика цинического разума / пер. с нем. А. Перцева. Екатеринбург: У-Фактория; М.: АСТ, 2009. 798 с.
- 2. Абаев Н. В. Чань-буддизм и культурно-психологические традиции в средневековом Китае. Новосибирск: Наука. Сибир. отд-ние, 1989. 125 с.
- 3. Бахтин М. М. Автор и герой в эстетической деятельности // Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. Изд. 2-е. М.: Искусство, 1986. С. 9–191, 404–412.
- 4. Свифт Дж. Сказка о бочке. Путешествия Гулливера. М.: Худож. лит., 1976. 430 с.
 - 5. Гоголь Н. В. Повести. М.; Л.: Гослитиздат, 1949. 556 с.
- 6. Кандинский В. О духовном в искусстве. СПб.: Свое изд-во, 2013. 87 с.

References

- 1. Sloterdijk P.; Pertsev A. (transl.). Critique of the cynical reason. Yekaterinburg: U-Factoria; M.: AST, 2009. 798 (in Russ.).
- 2. Abaev N. V. Chan-Buddhism and cultural and psychological traditions in medieval China. Novosibirsk: Nauka. Sibir. otd., 1989. 125 (in Russ.).
- 3. Bakhtin M. M. Author and hero in aesthetic activity. Bakhtin M. M. Aesthetics of verbal creativity. 2nd ed. M.: Iskusstvo, 1986. 9–191, 404–412 (in Russ.).
- 4. Swift J. The Tale of the Barrel. Gulliver's Travels. M.: Khudozh. lit., 1976. 430 (in Russ.).
- 5. Gogol N. V. Stories. M.; L.: Goslitizdat, 1949. 556 (in Russ.).
- Kandinsky V. On the Spiritual in Art. SPb.: Svoye izd., 2013. 87 (in Russ.).